

Франсе и въ его некрологѣ Пушкина. Послѣ перваго сближенія, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, поэты были откинута событіями въ два враждебные лагеря, но г. Спасовичъ старается отмѣтить ту черту, что „въ памяти Мицкевича Пушкинъ навсегда остался такимъ, какимъ онъ былъ въ 1828 г., безъ малѣйшаго измѣненія“. Мицкевичъ всегда созерцалъ Пушкина съ точки зрѣнія тѣхъ „душъ, возвышающихся надъ земными препятствіями, которыя парятъ въ эфирной вышинѣ и не ниспускаются на землю безъ крайней къ тому необходимости, вытекающей изъ понятія долга—народнаго или общественнаго. Съ политикомъ-Пушкинымъ Мицкевичъ не хотѣлъ примириться, но онъ не хотѣлъ Пушкина судить, и дѣйствовалъ, какъ будто бы совсѣмъ не зная, что Пушкинъ писалъ когда-нибудь какъ политикъ“.

Со стороны Пушкина взаимность была не столь совершенная: событія 1830—1831 года „вырыли между обоими поэтами бездонную пропасть и поставили ихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ въ жгучемъ вопросѣ. Событія подѣйствовали скорѣе на Пушкина, чѣмъ на Мицкевича... Пушкинъ измѣнился, но не хотѣлъ признать въ себѣ этой переменъ, и укорялъ Мицкевича въ непоследовательности, въ безпричинной ненависти, вмѣсто прежней любви. Впрочемъ, такъ какъ переменъ въ Мицкевичѣ, о которой сожалѣлъ Пушкинъ, касалась только политики, во всемъ же остальномъ Пушкинъ не пересталъ цѣнить и высоко уважать въ Мицкевичѣ человѣка и великаго поэта, то въ исторіи сохранится навсегда красивый слѣдъ ихъ кратковременнаго сближенія“. Два характера величайшихъ поэтовъ славянскаго міра представляются г. Спасовичу такъ: „Поразительно противоположны были ихъ темпераменты, двѣ разныя стихіи, столь же мало похожія, какъ, напримѣръ, гранитная скала (поэтъ Красинскій любитъ сравнивать Мицкевича со скалою) и зыбкая, на глазахъ моментально измѣняющаяся, волна морская, играющая всѣми цвѣтами радуги. Каждый изъ нихъ былъ превосходнымъ представителемъ самыхъ характерныхъ свойствъ своего племени и народа, оба они были поэты-романтики, оба оказали громадное, донинѣ продолжающееся, вліяніе на потомство, оба считали себя людьми дѣла и политиками, хотя не были вовсе таковыми, а только, и исключительно, художниками“. Упомянутое сравненіе, быть можетъ, не совсѣмъ точно: скала окончила безпомощностью, которая сказалась печальнымъ мистицизмомъ, какъ другія обстоятельства отразились на Пушкинѣ колебаніемъ его общественныхъ убѣжденій. Образчикъ этихъ колебаній оказался и на созданіи „Мѣднаго Всадника“. Г. Спасовичъ сдѣлалъ любо-